

Новые известия — 1999

Евгения Тирдатова, для «Новых Известий»

«Мы с Германом делаем трагическое кино»,

— считает председатель большого международного жюри ММКФ Фернандо Соланас

— Вы представитель интеллектуального, философского кино, уходящего корнями в новые волны 60-х, в литературу Борхеса... К какому приему вашего фильма в России вы готовы?

— Мне кажется, зрители у вас достаточно подготовлены к восприятию сложного кино, ведь в этой стране делали — и делают — одни из самых величайших фильмов в мире. Есть кино, которое похоже на легкое чтиво, а есть другое — типа большого романа. Конечно, люди привыкли к телесериалам, например, «Жизнь прекрасна», получившая «Оскара», — это же рассчитано на восьмилетнего ребенка. Идет деградация и опустошение кино как искусства. То, что сейчас в большинстве делается, — это кинематографический «Комполитен». А вот когда я смотрю Германа («Хрусталь, машину!» — Е.Т.) — это потрясающе, необыкновенно, это как собор. Трудно представить, чтобы такой фильм мог появиться сейчас на Западе.

— Для нас сейчас это тоже скорее исключение, и даже наши критики с трудом воспринимают картину Германа...

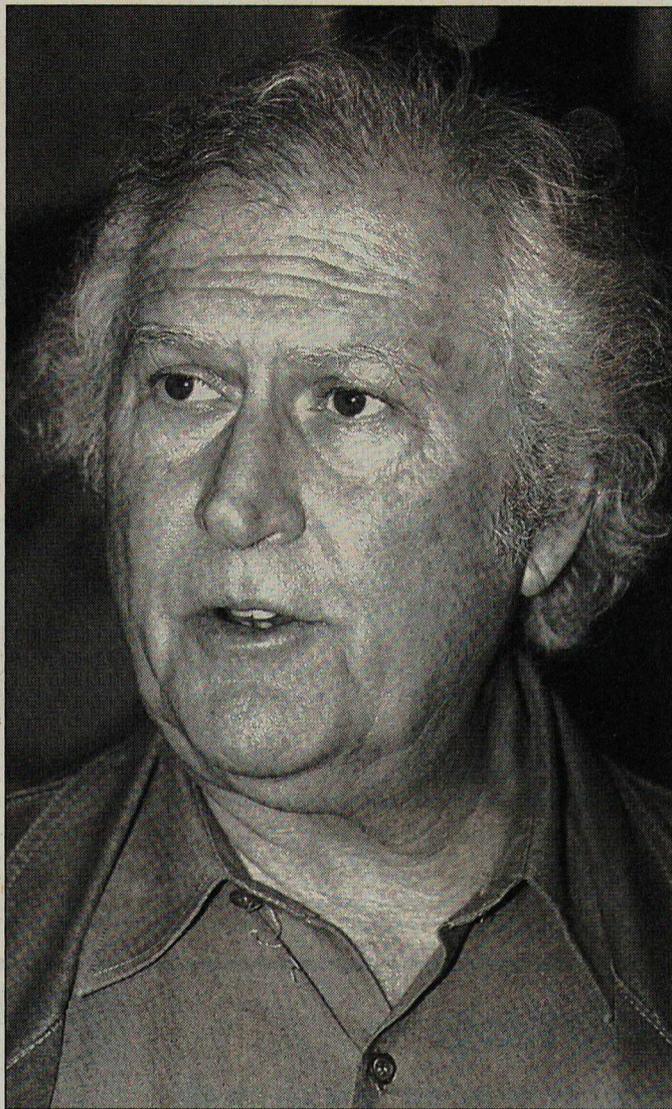
— Дело в том, что критика тоже деградировала. В 60-е годы на Западе, например, существовала интеллектуальная, очень серьезная критика. Процесс ее развития шел параллельно с процессом развития очень сильного кинематографа — скажем, в Италии была великолепная критика и существовало величайшее кино.

Почему фильм Германа сложен сегодня для зрителей? Потому что за последние тридцать лет дороги серьезного кино и зрителей разошлись. Родилось несколько поколений, которые смотрят телевизор с младенчества. Когда вышла «Сладкая жизнь» Феллини, картина сложная по структуре, у нее был большой зрительский успех. И когда появились гораздо более сложные «8 1/2» и даже «Амаркорд», фильмы, в которых причина и следствие не сменяют друг друга с примитивной последовательностью, тоже было так. Бедный Герман, он немножко опоздал... Со мной происходит то же самое. Например, «Танго: изгнание Гарделя» в Аргентине посмотрели миллион человек. А в Уругвае — три миллиона человек (больше, чем «Рэмбо»), там очень образованная публика. Это был самый кассовый фильм 1986 года. За четырнадцать лет все изменилось. Сейчас было бы невозможно повторить подобный успех ни в Уругвае, ни в Аргентине.

— И какова же аудитория «Облака»?

— Об этом и речь: последовавший за «Танго...» «Юг» собрал миллион сто тысяч человек. А «Облако» (в Аргентине) — всего лишь 60 тысяч человек. Даже если иметь в виду, что «Облако» вышло в конце сезона, а «Танго» — в начале сезона, все равно это совсем другая цифра.

Кино, которое делает Герман, которое делаю я, — трагическое. Когда народ переживает

На XXI Московском кинофестивале, как никогда, полно представлен новейший кинематограф Латинской Америки — Бразилии, Аргентины, Мексики, Кубы, Уругвая. Около двадцати картин в различных программах, включая конкурс и секцию «Панорамы» под названием «Латиноамериканские страсти». В числе лучших фильмов латиноамериканской панорамы — «Облако» Фернандо СОЛАНАСА, крупнейшего аргентинского режиссера, лауреата Канна и Венеции.

ет трагедию, только спустя много-много лет он может пойти смотреть на эту трагедию на экране. Так тяжела жизнь, люди так исстрадались, они просто не могут видеть в кино то, от чего они страдают. «Да, это все замечательно, очень точно показано, но мне бы комедию посмотреть...». То же самое произошло с фильмом «Дети Мартина Фьерро». Это был мой первый художественный фильм, сделанный в эпоху террора, о его показе в стране и речи быть не могло. Поэтому мне пришлось уехать из Аргентины. Десять лет я ждал премьеры этого фильма дома. Со мной работали горячий любимые и уважаемые кинематографисты, которые были убиты во время диктатуры. Я был совершенно уверен, что на этот фильм сбегутся миллионы людей... А его посмотрели сорок-пятьдесят тысяч — люди только что вышли из трагедии, они еще находились в полузадушенном состоянии и не хотели на это смотреть, не хотели возвращаться в столь не-

давнее тяжелое прошлое.

— Вы не захотели немного «облегчить» свой кинематограф, сменить темы, сделать его более доступным?

— Это невозможно. Большие драмы, которые переживает художник, требуют выхода — то же и у Германа. Другое дело, что вдруг оказывается, что никто не хочет этого видеть, а ведь писатель или режиссер не может сказать: мол, я об этом расскажу лет через сто... Это трагедия художника. Ему хочется делать то, о чем у него душа болит, а зрители предпочитают витать в облаках.

— Поэтому вы пребываете между Буэнос-Айресом и Парижем, где базируется филиал вашей компании и где можно найти деньги для копродукции?

— Нет, я всего лишь семь лет жил вне Аргентины. Как только кончилась диктатура, в 83-м я вернулся домой. В Париже наши партнеры. Конечно, я там часто бываю, у меня там остались связи, что помогает в поисках финансов на постановки.

В Аргентине на мое кино денег нет.

— Как же все-таки вы их находите?

— В моем случае это чудо, это исключение из правил. Я же тридцать лет снимаю фильмы, и моя первая картина «Время костров» была очень известной, поэтому в той или другой европейской стране мои фильмы всегда находили поддержку.

— Как вы отнеслись к идее стать президентом жюри кинофестиваля в России, в которой никогда не бывали?

— Я первый раз приезжаю в страну, не зная местных нравов, обычаев, но чувствую себя здесь прекрасно. Что касается жюри — на столь старом, с солидной историей фестивале, как ваш, оно ничем не отличается от международных жюри других крупных фестивалей мира. Кроме того, когда вы меня пригласили в Буэнос-Айресе в жюри Московского фестиваля, вы же не сказали, что я буду его председателем... У меня нет контакта с русским кино, я не знаю здесь практически никого, кроме вас, фильмы мои здесь не показывались, поэтому это скорее я должен спросить: почему выбрали меня?

— Тогда тоже отвечу вопросом на вопрос: разве мы сделали плохой выбор? Для нас весьма престижно иметь во главе жюри режиссера с большим мировым именем, представляющего столь значительный, на наш взгляд, с серьезными традициями, кинематограф Аргентины.

— Спасибо, я очень этим горжусь. Конечно, мне было очень трудно принять решение быть две недели вне страны, где у меня столько работы и столько проблем. На прошлой неделе правительство наложило вето на закон о создании национальной синемаатеки, который я разрабатывал долгие годы. Этот закон был единодушно принят парламентом, так что придется опять бороться... Не говоря уже о том, что «Облако» нас совершенно разорило.

— Вы были членом парламента?

— Да, четыре года, с 93-го по 97-й. Занимался в основном вопросами культуры, кино, но и многим другим тоже. Идею о законе по синемаатеке я начал разрабатывать еще до того, как стал работать в парламенте.

— Неужели в Аргентине никогда не было национальной синемаатеки?

— Нет, она существует, но это частное предприятие. Я боролся за то, чтобы сделать его государственным. 60% аргентинских фильмов утеряно, они уничтожаются, никто не отвечает на государственном уровне за их сохранность.

— Что вы знаете о нашем кино, кроме Германа?

— Из современных режиссеров люблю Сокурова. Меня всегда интересовало русское кино, оно на меня во многом повлияло. Когда вышли мои «Время костров» и «Дети Мартина Фьерро», мировая критика отметила, что они во многом, в частности по манере монтажа, связаны с немим русским кино, особенно с Дзигой Вертовым.